

УДК 11. 111. 373.

Лызлов А. И.

Смоленский государственный университет

ОБРАЗ СМЕРТИ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В предлагаемой статье исследуются когнитивные оценочные признаки, выраженные в паремических единицах русского и английского языков, образная основа которых представлена одним из абстрактных имён – понятием «смерть». Описываемый элемент занимает важное место в образной системе изучаемых языков. Он содержит как положительно-, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, он амбивалентен. Целью данной статьи является сравнительно-сопоставительный анализ характерных когнитивных черт, присущих плану содержания образа «смерть» в русских и английских паремиях.

Ключевые слова: паремия, образ, оценка, абстрактное имя, признак.

A. Lyzlov

Smolensk State University

THE IMAGE OF DEATH IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the cognitive evaluative features expressed in Russian and English proverbial units with figurative base represented by an abstract notion – the image of “death”. The described image stands in the foreground in the figurative system of the languages under consideration. The image contains both positive and negative evaluative features, in other words it is ambivalent. The purpose of the article is the comparative analysis of the relevant cognitive features represented in the content plane of the image “death” in Russian and English proverbs and sayings.

Key words: proverbs, image, assessment, abstract notion, feature.

Такой феномен, как смерть, не может не быть представлен в языке. Человеческое сознание в результате исторического развития общества выделило различные стороны данного явления, закреплённые в языке, они являются собой определённую совокупность знаний о данном предмете – образ смерти. В широком смысле понятие «образ» означает отражение внешнего мира в сознании [2, с. 113]. Понятие «образ» можно рассматривать и как

часть целого – образа мира, под которым С.Г. Тер-Минасова понимает некую понятийную систему, создавшуюся в результате физического опыта и духовной деятельности человека, преломлённую в его сознании [9, с. 47].

Е.В. Иванова отмечает, что пословицы образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются языковые концептуальные образования, иными словами, они представляют собой важный участок картины мира

[4, с. 162]. Пословично-поговорный фонд является релевантным источником представлений человека о смерти. Данные представления, воплощённые в паремических единицах, могут быть структурированы в рамках понятия семантического поля, подсистемами которого являются семантические группы, а атомарными элементами – отдельные паремические выражения.

Если нет возможности исчерпывающе и адекватно описать то или иное явление, то образно-метафорические высказывания являются одним из основных средств номинации. Любое наименование имеет лингвокогнитивную основу и построено на ассоциативной связи уже имеющего языковое выражение наименования с номинируемым объектом, что даёт основание говорить о метафорической природе номинации. Образность первичных наименований эксплицирована в их внутренней форме, анализ которой даёт представления о том, какие признаки были положены в основу номинантов, какие свойства явлений действительности оказались существенными для нашего сознания в процессе номинации [7, с. 12]. При метафоризации смыслов применим механизм персонификации. Исследователи метафоры говорят о существовании различного рода метафор, которые позволяют познавать различные процессы и объекты бытия посредством терминологического аппарата, присутствующего человеческому сознанию, так что сложные, абстрактные процессы становятся доступными пониманию большинства людей. В *нечеловеческом*, согласно точке зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «человек находит черты, свойственные человеческому» [10,

с. 59]. Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставить несопоставимое и соизмерить несоизмеримое [3, с. 7]. Таким образом, можно заключить, что мышление является образным в том смысле, что те понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют ментальные образы [6, с. 13]. Образ смерти можно рассмотреть и как концептуальное образование в сознании человека. Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющем роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиям [1, с. 80].

В данной работе нас больше всего интересует оценочная составляющая семантики паремий. **Оценка** – это отношение говорящего к сообщаемому, это суждение говорящего, его одобрение или неодобрение [8, с. 134]. Образ смерти, как уже говорилось выше, относится к так называемым абстрактным именам [5, с. 149], которые реализуют целый пучок концептуальных признаков. Структура семантики абстрактных имён как вторичных элементов когнитивной деятельности человека отличается сложностью и многоаспектностью.

Образ смерти в наивной картине мира персонифицируется. Антропоморфный образ смерти используется в паремических высказываниях для выражения негативной оценки того

факта, что конец бытия человека неизбежен и трагичен. Единицы с подобной семантикой образуют отдельную семантическую группу. Английские паремии указывают на то, что смерть предстаёт как неумолимая сущность, для которой не существует правил и условностей. Для неё нет выходных или праздников, отмечаемых в календаре: *death keeps no calendar* [13] (букв.: 'смерть не знает календаря'). Она безапелляционна и не принимает отказа: *death when it comes will have no denial* [13] (букв.: 'смерть, когда она приходит, не принимает отказа'). Человек может попытаться отсрочить свой конец, но при этом он потерпит неизбежное поражение. Об этом повествует ряд паремических единиц. Например: *you can't cheat death* [13] (букв.: 'невозможно обмануть смерть'). Негативная оценка чрезмерного риска, когда действия человека связаны с риском для жизни, описывает единица: *do not dice with death* [13] (букв.: 'не играй со смертью в кости').

Неминуемость смерти отмечают многие русские паремии. В них, так же, как и в паремических единицах английского языка, смерть представляется как некая персонифицированная активная сущность. В связи с этим в русских паремиях задействованы различного рода динамические мотивы: мотив движения, поиска смертью своей жертвы (*смерть придёт – везде найдёт* [12], *смерти искать не надо – сама найдёт* [12]); мотив бегства-погони (*от смерти не спрячешься, от смерти не уйдёшь* [12]); мотив ожидания (*смерть пропуска не ждёт* [12]).

Паремии английского языка, описывающие тематику смерти, во многих случаях строятся на основании

образных сравнений. Переосмысление в них осуществляется путём использования антропоморфного образа смерти. В ряде связанных сочетаний можно обнаружить свойственные наивной картине мира представления людей о смерти, которые сводились к персонификации данного явления и основывались на традиционных представлениях об этом образе. Рассматриваемый в приведённых ниже паремиях образный компонент используется для описания плохого физического состояния человека, идентифицируемого по ряду эмпирически выделяемых признаков, основой которых является плохой внешний вид. К примеру, если человек очень плохо себя чувствует, о нём говорят: *to feel like death* [13] (букв.: 'чувствовать себя как смерть'). Если же речь идёт о плохом внешнем виде человека, то возможно использование единицы *to look like death's head* [13] (букв.: 'выглядеть как голова смерти'), или же: *as white as death* [13] (букв.: 'бледный как смерть'). В подобных случаях осуществляется сравнение определённого человека с вымышленным персонажем – смертью, обладающим, согласно средневековой традиции, внешними данными, представленными в приведённых выше высказываниях.

Отличительной чертой русской картины мира является, в том числе, тот факт, что в русском языке нет паремий, которые сопоставляют образ смерти и живого человека в рамках компаративной модели. Индивидуальное, как это ни парадоксально, является особо прочным цементирующим «раствором» при взаимодействии народов и культур. Как руководство по решению жизненных проблем, половица подводит итог, выражает

суждение о ситуации или предлагает линию поведения [11, с. 79]. Одной из наиболее ярких по своей образной составляющей семантических групп является та из них, которая объединяет паремии, описывающие характер смерти, вернее, те аксиологические представления, которые существуют в обществе и являют собой реакцию на конец человеческого существования. Многие паремии для негативной оценки обстоятельств смерти задействуют зоонимические образы, за которыми в наивной картине мира для ряда ситуаций закреплена ярко выраженная оценочная коннотация. Так, люди, подвергшиеся насильственной смерти, смерти позорной и тяжёлой, описываются в паремии *to die a dog's death* [13] (букв.: 'умереть как собака'). Сходным значением обладает оборот *to kill smb. like a dog* [13] (букв.: 'убить как собаку'). Пейоративная нагрузка понятия смерти с использованием образа крысы объективируется в единице *to die like a rat in a hole* [13] (букв.: 'умереть как крыса в норе'). Данная паремическая единица используется для описания смерти одинокого, покинутого всеми человека.

В русской картине мира есть много паремий, которые не только описывают плохую смерть, но и выражают при этом крайне негативное отношение к покойнику. В русском языке, так же, как и в английском, задействуется образ собаки: *собаке собачья смерть* [12]. Русские люди часто используют подобного рода паремии, реализуя прагматическую функцию угрозы, описывая при этом незавидное посмертное бытие недоброго человека: *пусть ему икается на том свете* [12], *пусть он перевернётся в гробу* [12]. Крайняя

степень отрицательной оценки по отношению к мёртвому человеку выражается посредством использования образа чёрта (чертей): *пусть на том свете на нём черти воду возят* [12], *не завидую чертям, которые тебя в аду будут жарить* [12].

Важную роль в структуре семантического поля «смерть» играет семантическая группа, которая представлена паремическими единицами, описывающими смерть как универсальное явление, которое подводит итог жизни любого человека, завершает все его дела. Данная мысль отражена в ряде связанных сочетаний, что подчёркивает её релевантный характер для представителей наивной картины мира; например: *death ends all things* [13] (букв.: 'смерть завершает все дела'). Перед смертью все равны, она уравнивает всех людей, являясь некоторым демократизирующим фактором существования общества: *death is the great leveler* [13] (букв.: 'смерть – великий уравниватель'). В ряде паремических высказываний используется образная основа, которая задействует понятия, относящиеся к сфере экономической деятельности человека: *death pays all debts* [13] (букв.: 'смерть оплачивает все долги'). Данная единица имеет вариант: *death pays all debts scores* [13], который строится на основании использования синонима слова «долг», с сохранением и структуры, и семантики фразы. В качестве синонима единицам, приведённым выше, следует упомянуть фразу *death squares all accounts* [13] (букв.: 'смерть оплачивает все счета').

Русские связанные сочетания также отмечают равенство человека перед смертью: *у смерти все равны* [12]. Русские люди в паремиях, отмечающих

универсальность смерти, описывают данное явление не напрямую, а образно: *все в землю ляжем* [12], *все прахом будем* [12]. В рассмотренных выше образных единицах задействуется тематика захоронения в первом примере и описываются посмертные метаморфозы человеческого тела во втором. По-видимому, для русских представителей наивной картины мира не принято было называть смерть напрямую в силу того, что данный феномен имел в сознании русских людей сакральный характер. Боясь привлечь нечто плохое, представители наивной картины мира стремятся к использованию не прямой номинации.

Трудно найти человека, который не задумывался бы о смерти, не выражал бы своего отношения к ней. Осознание смерти для человека – это релевантное ментальное действие. Ещё Эпикур заметил, что страшна не столько сама смерть, сколько мысли живого человека о смерти. Данная сентенция давно перешла в разряд паремических образований: *fear of death is worse than death itself* [13] (букв.: ‘страх смерти хуже, чем сама смерть’). В данном случае мы опять имеем дело с универсалиями в языке.

Люди способны видеть и нечто положительное в факте смерти в определенных жизненных обстоятельствах, иными словами, смерть в картине мира носит амбивалентный характер. Данную мысль отражают паремии-синонимы: *better a glorious death than a shameful life* [13] (букв.: ‘лучше славная смерть, чем позорная жизнь’), *better die standing than live kneeling* [13] (букв.: ‘лучше умереть стоя, чем жить на коленях’). Смерть может стать объектом предпочтения, чтобы избежать зла.

Смерть в юном возрасте рассматривалась в древности как благо. Поэтому те, к кому благоволили высшие силы, умирали молодыми: *the good die young* [13] (букв.: ‘хорошие умирают молодыми’). Возраст человека не влияет на его отношение к смерти, оно остаётся стабильно отрицательным: *no man is so old, but thinks he may yet live another year* [13] (букв.: ‘как бы ни был стар человек, он всё равно мечтает прожить хоть ещё один год’). Фаталистический взгляд на смерть выражен в единице: *he that is born to be hanged shall never be drowned* [13] (букв.: ‘кому быть повешенному, тот не утонет’).

Русские люди не меньше англичан боятся смерти: *живой смерти боится* [12]. Всё же русские люди готовы смириться с тяготами жизни и избежать страшной альтернативы – насильственной смерти или даже самоубийства: *жить тяжело, а умирать ещё тяжелей* [12], *как жить ни тошно, а умирать ещё тошней* [12], *живой смерти боится* [12]. Русские пожилые люди, как и англичане, главной своей ценностью считают жизнь: *старость не радость, а смерть не находка* [12], *старость не радость, а и смерть не користь* [12].

В качестве вывода хотелось бы отметить, что в данной работе описываются оценочные значения паремий русского и английского языков с разным компонентом «смерть». В паремическом фонде обоих языков есть единицы, описывающие ситуации, где даётся прямое значение образа «смерть», переосмысление в них осуществляется в значении сопутствующих компонентов. Другие описываемые единицы раскрывают различные характеристики персонафицирован-

ного образа «смерть», которые относятся к сфере как положительной, так и отрицательной оценки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
 2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
 3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 395 с.
 4. Иванова Е.В. Антропоцентризм в пословице // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. ст.; отв. ред. Л.П. Чахоян / Е.В. Иванова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. С. 162–168.
 5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования // О генезисе языка или рассуждение об абстрактных именах / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. – С. 147–166.
 6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины / Дж. Лакофф. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
 7. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных русского и чешского языков): монография. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 306 с.
 8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.
 9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.
 10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. London, Chicago: The university of Chicago press, 1980. 252 p.
 11. Taylor A. *Selected Writings on Proverbs*. Helsinki Suomalainen Tiedeakatemia, 1975. 675 p.
- ##### ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА:
12. Зимин В.И. Словарь тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 736 с.
 13. *The Wordsworth dictionary of proverbs* / G.L. Apperson [et al.], Wordsworth editions Ltd. Hertford London, 2006. 656 p.